

ПУЛЬС

ЭЛЛИ ЧЭНДЛЕР

Элли Чэндлер

Пульс

<https://litres.ru/74664839>

Аннотация

— Развернись и иди в отдел кадров, — сказал он ровно, не поднимая глаз от историй болезни.

Я моргнула:

— Прошу прощения?

— Пиши по собственному. Прямо сейчас. Пока трудовую не испортили первой сменой.

— Мы ещё не познакомились, доктор Асланов.

— Мне плевать на твоё имя. Мне не нужен балласт в операционной. Руководство решило заткнуть дыру после скандала первой попавшейся девицей.

— Мой стаж в экстренной реанимации — семь лет, — я сделала шаг вперёд, не отводя глаз. — Мои руки держат давление и ритм на операциях любой сложности. Так что насчёт «балласта» вам придётся забрать слова назад.

— Приехала сюда спастись от разбитого сердца или от врачебной ошибки? — он скривил губы в холодной усмешке.

Меня словно хлестнули. Я шагнула вплотную к столу: — От вашей невоспитанности, очевидно. График у меня на руках. Увидимся за столом, Тимур Русланович.

— Если пациент у тебя даст сбой хоть на полсекунды —
вылетишь из здания вниз головой.

— Посмотрим, кто вылетит раньше.

Содержание

ГЛАВА 1. «Добро пожаловать в ад»	5
ГЛАВА 2. «Правила игры»	12
ГЛАВА 3. «Дегустация»	21
ГЛАВА 4. «Тайна отца»	32
ГЛАВА 5. «Искра»	40
ГЛАВА 6. «Огонь»	48
ГЛАВА 7. «Тени прошлого»	56
ГЛАВА 8. «Анна»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

ГЛАВА 1. «Добро пожаловать в ад»

— Ты сюда работать пришла или в окно глазеть? — Альфред Офицеров даже не повернул головы. Он просто нажал кнопку вызова лифта, и металлический отблеск створки полоснул меня по лицу.

— Оцениваю шансы выйти отсюда живой, — отозвалась я, поправляя ремешок кожаной сумки на плече.

— Ноль целых, хрен десятых, — бросил он сухим, вымороженным тоном. — Карточки доступа пока нет. Держись рядом. Шаг влево, шаг вправо — охрана на посту свернёт шею раньше, чем ты успеешь пискнуть про трудовой договор.

Лифт мягко тронулся вверх. В зеркальных панелях отражались двое: подтянутый безопасник в глухом тёмном костюме с лицом могильщика и я — с растрёпанным светлым каре и кругами под глазами от третьей подряд чашки эспрессо.

Клиника «Очаг» пахла не больницей. Она пахла бешеными инвестициями, озоном, дорогим паркетом и тихим, ползучим ужасом. Никаких казённых стен. Всё вылизано до блеска, будто операционную скрестили с закрытым частным клубом.

Двери разъехались на третьем этаже.

— Блок торакальной хирургии и реанимации, — отчека-

нил Альфред, шагая по коридору широкими шагами. — Заведующего предупредили. Он ждёт.

— Рад?

— Он никогда ничему не рад. Особенно людям с дипломами анестезиологов.

— Прекрасное начало.

Мы свернули к массивному матовому стеклу с лаконичной табличкой: «Заведующий отделением Т. Р. Асланов».

Альфред постучал костяшками пальцев один раз и сразу толкнул дверь.

За широким деревянным столом сидел мужчина. Рост угадывался даже сидя — мощная фигура, плечи распирали тёмно-синий хирургический костюм. Тёмные густые волосы, аккуратная борода, хищные татарские черты лица и взгляд, способный заморозить кипяток. Он перебирал распечатки историй болезни и даже не поднял глаз, когда мы вошли.

— Альфред, я просил тишины, — голос низкий, вибрирующий, с железными нотками. — У меня через сорок минут повторная резекция.

— Марта Ветрова. Новый анестезиолог-реаниматолог, — сухо представил меня безопасник. — Документы подписаны генеральным.

Ручка в руке хирурга замерла. Он медленно поднял голову. Тёмные глаза упёрлись в меня, как дуло пистолета.

— Развернись и иди в отдел кадров, — сказал он ровно.

Я моргнула:

— Прошу прощения?

— Пиши заявление по собственному. Прямо сейчас. Пока трудовую книжку не испортили первой же сменой.

— Мы ещё даже не познакомились, доктор Асланов.

— Мне плевать на твоё имя. Мне не нужен балласт в операционной.

Он встал из-за стола, и пространство кабинета сразу сжалось. Высокий, под метр девяносто пять, руки скрещены на груди. Глухая оборонительная стойка.

— Я не нанимал тебя. Руководство решило заткнуть дыру после скандала, притащив первую попавшуюся девицу с улицы.

— Мой стаж в реанимации — семь лет, — я сделала шаг вперёд, не отводя взгляда. — Шесть из них — в экстренной хирургии в Питере. Мои руки держат давление и ритм на операциях любой сложности. Так что насчёт «балласта» вам придётся забрать слова назад.

— Питер? — он скривил губы в холодной усмешке. — Приехала сюда спастись от разбитого сердца или от врачебной ошибки?

Меня словно хлестнули наотмашь. Я стиснула зубы до скрежета, ногти впились в ладони.

— От вашей невоспитанности, очевидно, спастись не удастся, — отчеканила я. — График смен у меня на руках. Первая операция завтра в восемь ноль-ноль. Увидимся за столом, Тимур Русланович.

Он прищурился. В воздухе между нами затрещало статическое электричество.

— Если пациент у тебя на столе даст сбой хоть на полсекунды — вылетишь из здания вниз головой, — процедил он.

— Посмотрим, кто вылетит раньше.

Я развернулась на каблуках и вышла в коридор, хлопнув дверью. Альфред, стоявший у стены, лишь чуть заметно дёрнул уголком рта: — Ординаторская дальше по коридору направо. Живи пока.

В ординаторской пахло жареными зёрнами и застарелым стрессом. У кофемашины возился молодой парень в мятом халате. Светлые лохматые волосы, круги под глазами, значок с надписью: «Женя, ординатор».

— О, вы новенькая? — он обернулся, чуть не выронив чашку. — Марта? Я Женя. Слушайте, вы живая вышли от Шефа? Это рекорд.

— Он всегда ведёт себя как дрессированный цербер? — я бросила сумку на свободный диван.

— Хуже, — Женя понизил голос до шёпота и придвинулся ближе. — Сейчас он вообще невменяемый. Раньше тут всем рулил Слава Кузнецов. Помните историю? Нет? Славу вышвырнули со скандалом за жуткую халатность, чуть пациента не угробил на столе. Шеф после этого спит по три часа в сутки. Никому не верит. Всё сам, каждую строчку проверяет, каждого интерна прессует. Контролёр психованный.

— Заметно, — пробормотала я, садясь за стол и открывая

планшет с историями болезней отделения.

— Вы на него сильно не обижайтесь, — вздохнул парень. — У него руки золотые. Но характера нет. Там внутри вместо сердца кусок гранита.

— Мне с его сердцем детей не крестить, — отрезала я. — Главное, чтобы моё отделение наркоза работало без сбоев.

— Ваше отделение? — Женя тихо присвистнул. — Ох, держитесь, Марта... Слава богу, дежурство сегодня не моё.

Ординатор убежал на перевязки, а я погрузилась в протоколы. Время летело незаметно. Москва за панорамным окном налилась фиолетовой темнотой. В коридорах стихли шаги. Отделение погрузилось в ту особую, давящую больничную тишину, в которой каждый шорох кажется предвестником катастрофы.

Было около одиннадцати вечера. Я потянулась, чувствуя ноющую боль в шее, и встала, собираясь уходить.

Вдруг из конца тёмного коридора донёсся глухой звук. Удар. Будто кто-то смахнул со стола тяжелый предмет. Затем хриплый, прерывистый вдох.

Я замерла. Звук шёл из кабинета Асланова.

Подойдя к матовой двери, я прислушалась. Внутри кто-то задыхался. Короткие судорожные всхлипы, скрип падающего стула.

Я толкнула дверь без стука.

Кабинет тонул в полумраке, горела лишь настольная лампа. Тимур Асланов сидел на полу возле стеллажа, прижав-

шись спиной к стене. Ворот его хирургической куртки был разорван. Пальцы судорожно комкали ткань на собственной груди. Зрачки расширены до краёв, лицо бледное, покрытое крупными каплями пота, губы синели. Воздух выходил из его горла со свистом.

Паническая атака. Тяжёлая. Острая.

Я мгновенно среагировала, опустившись перед ним на колени.

— Асланов, смотри на меня, — быстро сказала я, перехватывая его ледяное запястье. Пульс зашкаливал, бил бешеным молотом под двести ударов. — Дыши носом. Считай со мной. Раз, два, три...

Он дёрнулся, будто от удара током, и со всей силы оттолкнул мою руку.

— Вон, — выдохнул он хрипло, захлёбываясь воздухом.

— Ты задыхаешься, идиот. Дыши животом!

— Пошла... вон отсюда! — прорычал он сквозь зубы, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. В его глазах полыхала дикая смесь страха и слепой ярости загнанного зверя. — Не смей прикасаться ко мне! Выметайся!

Он замахнулся, сбив рукой тяжёлый стеклянный органайзер с края стола. Предметы с грохотом рассыпались по полу.

Я медленно поднялась на ноги, отступая на шаг. Профессиональный инстинкт кричал остаться, но его взгляд обещал уничтожение любому, кто увидит эту слабость.

— Хорошо, — тихо произнесла я. — Я уйду.

Мой взгляд упал на раскрытую кожаную папку на столе, которую сдвинуло при падении органайзера.

Из-под бумаг выскользнула старая черно-белая фотография с потрескавшимися краями.

На снимке стоял мужчина с чертами лица, в точности повторявшими профиль Тимура, только старше. Его отец. А рядом с ним стояла молодая женщина. Тонкая, со светлыми мягкими локонами и открытой, доверчивой улыбкой. Это точно была не Ирина, портрет которой в дорогой рамке стоял на полке у двери.

Фотография лежала под углом к свету настольной лампы. На обратной стороне чернилами аккуратным почерком была выведена надпись: «14 сентября. Навсегда твоя, А.».

Четырнадцатое сентября. Ровно шестнадцать лет назад в этот день отец Тимура погиб.

Асланов медленно поднял голову с пола и поймал мой взгляд, застывший на фотографии. Воздух в кабинете окончательно заledenел.

ГЛАВА 2. «Правила игры»

— Ты вчера трогала мои бумаги.

Тимур даже не поздоровался. Он перегородил дверной проём моего нового кабинета плечами, скрестив руки на широкой груди. Взгляд буравил насквозь. Холодный, колючий, наглухо закрытый. Будто вчера ночью не он сидел на полу возле стеллажа, задыхаясь и ломая ногти о ткань собственной куртки.

— Доброе утро, доктор Асланов, — я аккуратно поставила кружку с кофе на край чистого стола. — Чудесная погода за окном. Спасибо за заботу.

— Я задал вопрос, Ветрова.

Он шагнул внутрь. Кабинет тут же показался крошечным, воздуха стало катастрофически мало.

— Я собирала с пола осколки твоего органайзера, — спокойно ответила я, глядя ему прямо в зрачки. — Чтобы санитарки с утра не резали пальцы. Никакие бумаги меня не интересуют.

— Врёшь.

— Ошибаешься.

— Ты сунула нос туда, куда собака хвост не сует, — его низкий, густой голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Повторяю один раз: ещё одно движение в сторону моих личных вещей — вылетишь отсюда с волчьим билетом.

— Слушай меня внимательно, Тимур Русланович, — я медленно поднялась из-за стола, оперевшись ладонями о светлое дерево. — Твои личные скелеты в шкафу — твоя забота. Меня волнует исключительно реанимация. Ты можешь орать, можешь шипеть, можешь ломать мебель по ночам. Но в отделении я работаю на равных с тобой. Ясно?

Он сощурился. Челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки.

— Равных? У тебя мания величия, девочка.

— У меня опыт и протоколы, — отрезала я. — А вот в твоём отделении анестезиологической службы бардак. Пациента к утренней резекции готовили через пень-колоду. Я пересмотрела карты пяти операционных на сегодня. Премедикация назначена по схемам пятилетней давности. Кардиомониторы в третьем блоке не откалиброваны. Если бы я вчера не осталась до полуночи разгребать этот хаос, твой пациент сегодня выдал бы тебе аритмию прямо на первом разрезе.

Тимур застыл. В глубине его тёмных глаз промелькнула искра — удивление пополам со злостью. Он не привык оправдываться. И тем более не привык к тому, что кто-то смеет указывать ему на недочёты.

— Кто дал право менять назначения моих ординаторов? — процедил он.

— Главный врач дал мне право контролировать анестезиологию, — я достала из папки распечатанный лист с правами и швырнула на середину стола. — Вот новый план ве-

дения. Читай. Если найдёшь хоть одну ошибку в дозировках севофлурана и фентанила — напишу заявление прямо сейчас.

Он медленно опустил взгляд на бумаги. Секунда. Две. Пробежал глазами строки, цепко, профессионально. Я видела, как дёрнулись его пальцы. Ошибок не было. Расчёт идеальный, схема более гибкая и безопасная, учитывая возраст пациента и сопутствующую гипертонию.

— Слишком самоуверенно, — бросил он, даже не поднимая головы.

— Профессионально, — поправила я. — И привыкай: я не интерн, на меня давить бесполезно.

Тимур резко развернулся к выходу, но у самой двери притормозил.

— Восемь ноль-ноль. Первая операционная. Опоздаешь на секунду — запру дверь снаружи.

— Даже не надейся, Асланов.

Операция шла уже третий час. Воздух в операционной был ледяным, пахло спиртом, жжёной тканью от электрокоагулятора и тихим, монотонным напряжением. Писк монитора отбивал ровный, уверенный ритм: семьдесят четыре удара в минуту. Давление — сто двадцать на восемьдесят. Стабильно, как швейцарские часы.

Тимур работал сосредоточенно. Ни одного лишнего движения. Его пальцы двигались с филигранной точностью, виртуозно обходя сосудистые пучки. Я наблюдала за ним

из-за наркотической стойки. В работе он преображался: исчезал психованный тиран, оставался гениальный хирург, чувствующий тело пациента тоньше любых приборов.

— Марта, как глубина? — не отрывая взгляда от операционного поля, глухо бросил он через маску.

— Индекс BIS сорок пять. Миоплегия полная. Он спит мертво, шеф, не дергайся.

— Давление держи. Сейчас пережму дугу.

— Держу. Не учи меня работать.

Стоявший рядом ассистентом Женя нервно сглотнул, испуганно переводя глаза с меня на шефа. Все привыкли, что Асланов в операционной — бог и судья, которому боятся даже подать не тот пинцет. Мой тон вызывал у персонала тихий ужас.

— Зажим, — скомандовал Тимур операционной сестре.

Секунда — и ткань аккуратно зафиксирована. Ни капли лишней крови.

— Чисто, — выдохнул он через пять минут. В голосе скользнуло невольное облегчение. — Заканчиваем. Женя, послышно ушивай.

Тимур сбросил перчатки в контейнер, стянул маску и впервые за операцию посмотрел на меня прямо. В его взгляде читалось странное, немое признание. Он ненавидел признавать мою правоту, но наркоз был безупречен.

— Пациента в палату пробуждения через двадцать минут, — бросил он и вышел.

— Марта Сергеевна, вы бессмертная, — прошептал Женья, торопливо берясь за иглодержатель. — Слава перед ним на задних лапках ходил, а вы с ним разговариваете, как с хулиганом из подворотни.

— С волками жить — по-волчьи выть, Жень. Зашивай давай, не отвлекайся.

В коридоре отделения царило оживление. Около поста медсестёр стоял рослый широкоплечий мужчина в тёмном гражданском пиджаке. Короткие чёрные волосы, аккуратная борода, открытое, спокойное лицо с восточными чертами.

— Булат! — окликнул его Женья, выходя следом за мной из предоперационной.

Мужчина обернулся и тепло улыбнулся:

— Здорово, молодёжь. Ну как он там? Живой?

— Шеф в ярости от счастья, операция на ура прошла, — хмыкнул ординатор. — Познакомься, это Марта Ветрова. Наш новый анестезиолог. Марта, это Булат Темирбаев, наш ведущий сосудистый хирург и лучший друг Шефа.

Булат с интересом окинул меня цепким взглядом, протянув широкую тёплую ладонь: — Так вот вы какая. Наслышан. Утром в ординаторской только о вас и шептались. Говорят, Тимур метал громы и молнии прямо с порога.

— Добрый день, Булат, — я пожала его руку. — Ваш друг просто слишком привык, что вокруг все ходят на цыпочках.

— Есть такое дело, — добродушно усмехнулся он. — Упрямый, как баран. Шестнадцать лет его знаю, характер не

сахар. Но врач от бога. Вы не принимайте на свой счёт, Марта. У него сейчас сложный период.

— Из-за Славы Кузнецова? — прямо спросила я.

Лицо Булата на мгновение потеряло улыбку, взгляд стал тяжёлым и внимательным:

— В том числе. Тимур не прощает предательства. И халатности не прощает. Он берёт на себя слишком много чужой вины.

В этот момент из кабинета вышел сам Асланов, на ходу листая планшет. Заметив друга, он нахмурился: — Булат? Ты чего здесь? У тебя же приемный день на другой базе.

— Заехал проведать тебя, — отозвался Булат, подходя к нему и хлопая по плечу. — Смотрю, жив, здоров, отделение не спалил. Поговорить надо.

— Не сейчас, — отмахнулся Тимур, покосившись в мою сторону. — У меня обход в реанимации.

— Именно сейчас, Тим, — мягко, но с нажимом произнес Булат. — Хватит бегать. Ты когда спал нормально в последний раз? Глаза красные.

— Отстань, — огрызнулся Тимур. — Я в норме.

— Вижу я твою норму, — вздохнул Булат, качая головой. — Марта, приятно было познакомиться. Чувствую, вы именно то, что нужно этому отделению, чтобы не сойти с ума от скуки.

Тимур проводил друга тяжёлым взглядом, затем резко повернулся ко мне:

— Ветрова, обход через десять минут. Жду в палате номер три.

Вечер опустился на город быстро. К девяти часам клиника почти опустела. Дневные врачи разошлись, остались только дежурные сёстры и охрана.

Я сидела в крошечной материальной подсобке за ординаторской. Здесь хранились запасные ампулы, стерильные салфетки и штативы для капельниц. Единственное место на этаже, где не было камер и стеклянных перегородок.

Телефон лежал на металлическом столе экраном вверх.

«Марта, давай поговорим по-взрослому. Я совершил глупость, но бросать всё и уезжать в Москву — это детский сад. Вернись в Питер. Мы снимем квартиру в центре, начнем заново. Подумай о нас».

Сообщение от Миши. Бывшего жениха. Человека, который за месяц до нашей свадьбы спал с моей лучшей подругой в нашей общей постели, пока я дежурила на сутках в токсикологии.

Горло перехватило спазмом. Дышать стало больно, жгучая, дурацкая обида хлынула к глазам. Я закрыла лицо руками, пытаясь подавить всхлип. Ненавидела эту слабость. Ненавидела то, что до сих пор эта грязь доставала меня даже за сотни километров от дома.

Дверь подсобки тихо скрипнула.

Я мгновенно отняла ладони от лица, судорожно втянула носом воздух и выпрямилась.

На пороге стоял Тимур. В руках — папка с вечерними анализами.

Он замер, увидев меня в полутьме комнаты. Его взгляд скользнул по моим влажным щекам, покрасневшим глазам и сжатым в кулаки пальцам. Лицо хирурга оставалось непроницаемым, но в глубине зрачков что-то дрогнуло.

— Что с тобой? — тихо спросил он. Голос звучал без привычной ярости — глухо и настороженно.

— Ничего, — я торопливо смахнула слёзы тыльной стороной ладони, натянув кривую улыбку. — Пыль. Аллергия на новый дезинфектант. Всё нормально.

Он не сдвинулся с места. Смотрел долго, не моргая. Слишком умный, чтобы поверить в глупую отговорку про дезинфектант. Но вместо едкой насмешки или очередного упрёка Асланов просто медленно опустил папку на стеллаж.

— Завтра в восемь операция на лёгком. Мне нужен анестезиолог с трезвой головой, а не с соплями, — сказал он ровно, без злобы.

— Я в порядке, Асланов. Иди.

Он помедлил секунду, словно собирался сказать что-то ещё, затем молча вышел, прикрыв за собой дверь.

Я перевела дух, встала, сполоснула лицо холодной водой из раковины и пошла в ординаторскую собирать вещи. Надо было ехать в съёмную квартиру и наконец выспаться.

В ординаторской горел верхний свет. Тимур стоял у моего рабочего стола.

Я замерла в дверях, почувствовав, как внутри всё похолодело.

В его руке была тёмная бутылка сухого красного вина, которую мне передала накануне коллега из Питера. Я просто бросила её в нижний ящик тумбы вместе с запасной формой и забыла.

Тимур не открывал её. Он просто держал бутылку за горлышко и пристально, почти не дыша, вглядывался в белую подарочную наклейку поверх этикетки.

Там размашистым аккуратным почерком было выведено: «Для А.В. С любовью и благодарностью».

Инициалы Анны. Те самые, которые стояли на обороте вчерашней фотографии из его кабинета: «Навсегда твоя, А.».

Тимур медленно повернул голову в мою сторону. Лицо побелело, челюсти сжались в каменный узел. Взгляд стал абсолютно безумным, полным ледяной, страшной подозрительности.

— Откуда это у тебя? — прошептал он, и от его шёпота мороз продрал по коже. — Кто ты такая, Марта?

ГЛАВА 3. «Дегустация»

— Повтори, если смелая, — глухо выдохнул он, сжав горлышко бутылки до белых костяшек.

— Поставь на место, Асланов, — ответила я, глядя ему прямо в зрачки. — Ты роешься в чужих тумбочках. Это диагноз.

— Чьи инициалы?

— Подарок коллеги из Питера. Зовут Алла Васильева. Детский реаниматолог. Хочешь номер телефона? Звони прямо сейчас, проверяй.

Тимур замер. Его челюсти сжались. Он медленно опустил темное стекло на полированную поверхность стола. Глухой стук прокатился по тихой ординаторской.

— Узнаю ложь — лично спущу с лестницы, — процедил он сквозь зубы.

— Сил не хватит, шеф. Иди спать, у тебя вены на висках пульсируют.

Он развернулся и вышел вон, хлопнув дверью.

Утро началось со звона разбитого стекла на первом этаже и воя сирены скорой помощи у главного входа.

Я застегивала свежий бирюзовый костюм, когда в ординаторскую влетел Женя. Лицо белое, волосы торчком, стетоскоп болтается на одном плече.

— Марта Сергеевна, там катастрофа! У нас комиссия

Минздрава на пороге, а скорая привезла Савельева!

— Кого? — я затянула шнурок на медицинских брюках.

— Вице-губернатора области! Проникающее ранение грудной клетки, арматура на стройке коттеджа, гемоторакс, плевропульмональный шок! С ним свита, инспекция министерства, главврач сидит прямо в вестибюле!

— А Асланов?

— Шеф в шоке. Если пациент уйдет на столе перед инспекторами — клинику закроют к чертовой матери. Он мечется по отделению, руки трясутся!

Я накинула халат и шагнула в коридор.

Возле предоперационной стоял гул. Охрана оттесняла чиновников в дорогах пальто. Посередине застыл Тимур. Куртка распахнута, на лбу испарина, пальцы судорожно сжимают снимки КТ.

— Разрыв легочной вены, торакотомия немедленно, — рубил воздух его сорванный голос. — Давление падает! Где кардиохирурги?!

— Булат на выезде, вернется через час! — крикнула подоспевшая Лизавета, поправляя бейджик кардиолога. Она мазнула по мне холодным, презрительным взглядом серых глаз. — Тим, он не доживет до стола. У него остановка будет на вводимом наркозе, миокард не выдержит стандартной релаксации!

— Замолчи, Лиза! — рявкнул Тимур, скомкав край пленки. — В операционную! Живо!

Я протиснулась сквозь толпу и встала прямо перед ним:

— Интубируем на спонтанном дыхании. Кетамин с пропופолом в микродозах, титрование норадреналина с первой секунды.

Тимур вскинул бешеные глаза:

— С ума сошла?! При ранении легкого давать кетамин? Он выдаст легочную гипертензию, сосуд лопнет к чертям собачьим!

— Обычный релаксант уронит сосудистый тонус в ноль, получишь асистолию через сорок секунд после трубки, — я шагнула вплотную к нему, понизив голос до жесткого шепота. — Хочешь похоронить вице-губернатора и сесть в тюрьму? Вперед, действуй по старым методичкам.

— Тим, она сумасшедшая! — зашипела Лиза, хватая его за локоть. — Ты слушаешь приезжую девицу? Зови реаниматологов из кардиоцентра!

Тимур резко сбросил ее руку:

— Пошла вон из бокса, Лизавета!

Он уставился на меня. Зрачки расширены, дыхание тяжелое, рваное.

— Ты отвечаешь головой, Ветрова.

— Я отвечаю жизнью пациента. Мой стол — мои правила. Пошел мыться, Асланов. Время пошло.

В операционной стоял лютый холод. Лампы слепили глаза. Вокруг стеклянного бокса столпились проверяющие из комиссии, глядя сквозь смотровое окно с блокнотами напе-

ревес.

Монитор истошно орал: пульс сто сорок, давление сорок на двадцать.

— Начинаем вводный, — скомандовала я сестре. — Норадреналин ноль три микрограмма на килограмм. Кетамин пошел.

— Давление падает! — крикнул Женя, держа маску.

— Жди, — отрезала я, глядя на кривую капнографа. — Секунда. Еще секунда.

Кривая дрогнула, распрямилась. Монитор пискнул ровнее: шестьдесят на сорок. Семьдесят на пятьдесят.

— Трубка пошла, — я мягко ввела клинок ларингоскопа, скользнула эндотрахеальной трубкой между связок. Щелчок манжеты. — Легкие дышат отдельно. Левое отключено. Поле готово.

Тимур подошел к столу. Его взгляд скользнул по показателям монитора: сто десять на семьдесят, ритм синусовый. Он быстро посмотрел на меня поверх маски. В темных глазах полыхнуло глухое потрясение.

— Скальпель, — бросил он сестре.

Разрез. Распатор. Вскрытие плевральной полости заняло три минуты.

— Кровь в плевре, два литра! Отсос! — кричал Женя.

— Вижу культю сосуда, — глухо отозвался Тимур. Его руки работали с безумной скоростью, пальцы скользили в алой жиже. — Пережимаю легочную связку. Держи давле-

ние, Ветрова!

— Сто на шестьдесят пять. Гемодинамика стабильна. Работай, я держу.

За стеклом зашептались члены комиссии. Главврач вытирал платочком мокрую лысину.

Тимур наложил сосудистый шов. Ровный, ювелирный, невозможный в таких полевых условиях.

— Герметично, — выдохнул он. Плечи опустились. — Жень, дренаж. Зашиваем.

Я плавно перевела пациента на аппаратную вентиляцию, снизив дозировку вазопрессоров. Пульс семьдесят восемь, давление сто двадцать на восемьдесят. Ровно. Идеально.

Тимур сдернул перчатки. Они шлепнулись в таз с кровавым плеском. Он подошел к наркозному аппарату, оперся ладонью о стойку монитора, наклонившись ко мне так близко, что тепло его дыхания коснулось моего виска через шапочку.

— Ты знала, что прокатит, — хрипло произнес он.

— Я не играю в рулетку, доктор Асланов. Я знаю фармакологию.

— Ты спасла отделение от разгрома.

— Я делала свою работу.

Наши взгляды скрестились. На секунду исчезли операционная, залитый кровью пол, маячившие за стеклом чиновники. Между нами повисло плотное, густое напряжение — острое, волнующее, опасное. Его зрачки дрогнули, скольз-

нув по моим губам.

Дверь операционной с грохотом распахнулась.

— Bravo, коллеги! — фальшивым медовым голосом протянула Лизавета, входя внутрь со стетоскопом в руках. — Комиссия в восторге. Тим, главврач зовет тебя в кабинет на фуршет. Пора дегустировать победу.

Она встала между нами, демонстративно повернувшись ко мне спиной. От нее разило тяжелыми духами с нотами пачули.

— Марта Сергеевна, поздравляю с дебютом, — бросила она через плечо с ядовитой ухмылкой. — Надеюсь, вы задержитесь подольше предыдущего фаворита. Тим быстро устает от чужой инициативы. Особенно женской.

— Лиза, закрой рот, — оборвал ее Тимур ледяным тоном.

— А что такого? Я просто напоминаю коллеге правила дома. Пойдем, Тим, тебя ждут.

— Я закончу протокол и приду, — отрезал он, не глядя на нее.

Лизавета прикусила губу, зло зыркнула на меня и выско-чила в коридор.

К трем часам дня суматоха улеглась. Комиссия подписала акты с высшей оценкой, уехав праздновать вместе с руководством.

Я сидела в ординаторской, заполняя электронную карту Савельева. Голова гудела от усталости.

Дверь тихо отворилась. Вошел Тимур. Уже в свежем си-

нем костюме, без халата, мокрые волосы зачесаны назад после душа.

— Савельев в сознании, — сказал он, садясь на краешек соседнего стола. — Экстубирован. Дышит сам.

— Знаю. Я заходила в палату полчаса назад.

Он помолчал, разглядывая мыски своих кожаных туфель.

— Твоя схема с кетаминотом... — начал он глухо. — Это было рискованно.

— Это спасло ему кору головного мозга от гипоксии.

— Мой отец всегда повторял: настоящий врач чувствует грань между риском и безумием.

Я оторвалась от клавиатуры и посмотрела на него.

— Твой отец?

— Руслан Асланов. Профессор хирургии, — его голос стал тише, глубже. — Он учил меня держать иглу с десяти лет. Говорил, что в грудной клетке живет душа, а не просто набор органов.

— Он был великим человеком?

— Он был святым, — Тимур сжал кулак на колене. — Пока не сломался.

— Люди ломаются, когда остаются одни, — тихо заметила я.

Тимур поднял глаза. В них сквозила незнакомая мягкость, спрятанная под слоями старой боли. Он придвинулся чуть ближе. Воздух между нами снова нагрелся.

— Почему ты уехала из Питера, Марта?

— Сменила климат.

— Не ври мне. Не сегодня.

Я усмехнулась, горько и коротко:

— Бывший жених решил устроить дегустацию моей лучшей подруги прямо в нашей спальне за месяц до свадьбы. Достаточно откровенно?

Тимур замер. Его взгляд потемнел, в глазах мелькнуло понимание человека, знавшего вкус предательства не понаслышке.

— Он идиот, — просто сказал Асланов.

— Редкий.

— Тебе больно?

— Было больно. Сейчас просто противно.

Он медленно протянул руку, словно сомневаясь, и коснулся тыльной стороны моей ладони, лежавшей на столе. Пальцы горячие, шершавые от спирта и постоянной обработки, сильные. По коже пробежала волна электрического жара. Сердце пропустило удар.

— В «Очаге» свои законы, — тихо произнес он, глядя мне в глаза. — Здесь либо сгорают, либо становятся сталью.

— Я похожа на пепел?

— Ты похожа на пожар.

В этот момент селектор на стене зашипел, разорвав тишину дребезжащим звонком.

— Доктор Асланов! — испуганно закричала дежурная сестра из третьей операционной. — Срочно сюда! Повтор-

ное кровотечение у пациентки с резекцией пищевода, сосуд кровит под дугой аорты!

Тимур мгновенно отдернул руку, подобрался и бросился к выходу. Я вскочила следом:

— Я иду с тобой!

Операционная номер три утопала в крови. На столе лежала пожилая женщина. Давление пятьдесят, пульс нитевидный.

— Дайте зажим Satinsky! — рывкнул Тимур, ныряя пальцами в глубину средостения. — Кровит нижняя щитовидная, переходит на дугу! Зажим соскальзывает!

— Ткани рыхлые, рвутся под браншами! — в панике закричал Женя, оттягивая крючки. — Мы теряем ее!

Тимур замер на секунду. Лицо побелело, глаза остекленели. Пальцы задрожали.

Паническая атака настигала его прямо над открытой грудной клеткой.

— Тим, дыши, — шепнула я через маску, подойдя вплотную к столу. — Дыши животом. Считай. Раз, два, три. Ты удержишь поле.

Он судорожно втянул воздух через ткань маски, моргнул, выгоняя морок из глаз, и вдруг вывернул кисть под неестественным углом:

— Дайте атрауматическую иглу три нуля. Двойной П-образный шов с захватом адвентиции аорты вслепую, прижатием пальца к телу позвонка.

Операционная сестра замерла с открытым ртом:

— Но доктор Асланов... вслепую к позвонку? Это же...

— Шей! — приказал он жестко.

Его пальцы сделали три невероятных, скользящих движения в глубине раны. Без визуального контроля, исключительно по памяти кончиков пальцев, на ощупь пульсирующей стенки сосуда. Кровь перестала хлестать. Поле очистилось.

Кровотечение остановилось.

Монитор выровнял кривую давления: сто на семьдесят. Пациентка спасена.

Женя обессиленно опустился на круглый табурет у стены, вытирая лоб рукавом:

— Господи... Как вы это сделали, шеф? Это же анатомически невозможно!

Тимур молча сбросил инструменты на столик. Он тяжело дышал, грудь вздымалась под курткой, лоб блестел от пота.

Я подошла к нему вплотную, снимая латексную перчатку. В голове вспыхнула старая лекция из петербургской военно-медицинской академии, архивный клинический разбор редчайших техник советской школы.

— Слепой пристеночный шов Лапидевского, — тихо сказала я, глядя ему прямо в расширенные зрачки. — Модификация семьдесят девятого года. Эту методику запретили на всесоюзном съезде хирургов после череды смертей, ее умел делать только один человек в стране. Профессор Руслан Асланов-Лапидевский.

Тимур отшатнулся от операционного стола, будто я ударила его скальпелем в грудь.

Вся кровь отлила от его лица. Глаза наполнились диким, ледяным ужасом. Маска сползла на подбородок, обнажив побелевшие, сведенные судорогой губы.

Он медленно попятился к автоматическим дверям бокса, сшибая локтем стойку для капельниц.

— Откуда... — его голос сорвался на сиплый, ледяной шепот, от которого у меня волосы встали дыбом на затылке. — Откуда ты знаешь эту фамилию?

Створки дверей разъехались за его спиной с глухим шипением.

ГЛАВА 4. «Тайна отца»

— Откуда ты знаешь эту фамилию? — повторил он. В полумраке шлюза его губы побелели.

— Я училась по его монографиям, — шагнула я следом через сенсорные створки. — Профессор Руслан Лапидевский преподавал у моего научного руководителя в Питере. Архивные разборы операций хранились на кафедре военно-полевой хирургии. Руслан Александрович создал эту технику за десять лет до твоего рождения.

Тимур тяжело привалился затылком к кафелю предоперационной. По шее стекала капля пота.

— Он сменил фамилию матери на Асланов тридцать лет назад, — глухо бросил он, растирая лицо ладонями. — Об этом знали четверо во всей стране. Ты пришла сюда копать под меня? Лиза подослала?

— У тебя паранойя прогрессирует с каждым часом, шеф.

— Лизавета знала его историю, — он дернул ворот куртки, срывая тонкую ткань. — Только она могла выболтать чуваку детали семейного позора.

— Лиза даже не подозревает, что я умею читать старые медицинские журналы. Успокойся. Твоя бывшая занята исключительно декольте и интригами на пятиминутках.

Тимур оттолкнулся от стены, обжег меня бешеным взглядом и зашагал прочь по длинному коридору, оставляя на по-

лу мокрые следы резиновых сабо.

Два часа спустя хирургический корпус погрузился в глухую серость ноябрьского вечера. Медсестры заполнили вечерние листы назначений, укатали тележки с капельницами, заперли процедурные.

В крыле заведующего свет не горел. Дверь кабинета оказалась приоткрыта на пару сантиметров.

Я толкнула створку ладонью.

Тимур сидел за массивным столом в крошечной темноте. Горели только два экрана мониторов с развернутыми томограммами легких. Синий холодный свет вычерчивал резкие скулы, горбинку носа, плотно сжатые тонкие губы. Перед ним стоял пустой стакан.

— Уходи, Ветрова, — не поворачивая головы, бросил он в пустоту.

— Не уйду.

Я подошла к столу, отодвинула тяжелое кресло для посетителей и села прямо напротив.

— Я не давал распоряжения оставаться на дежурство, — процедил он, уставившись в черные тени средостения на экране.

— Плевать на распоряжения. Ты держишь отделение на грани нервного срыва. Пальцы на операциях трясутся, приступы удушья глушишь адреналином, шарахаешься от собственной фамилии. Долго собираешься так существовать?

— Ровно столько, сколько потребуется. Тебя это не каса-

ется.

— Касается. Мы стоим за одним столом. Если твоя рука дрогнет на миллиметр глубже, спасти пациента придется мне.

Тимур медленно повернул лицо в мою сторону. Темные глаза казались черными провалами в синеватом свечении монитора.

— Моя рука не дрогнет. Никогда.

— Ты ненавидишь его? — спросила я негромко.

Он замер. В тишине кабинета отчетливо загудел кулер системного блока.

— Кого?

— Отца.

Тимур коротко усмехнулся — сухо, надломленно, обнажив зубы в злом оскале.

— Он был богом в торакальной хирургии. Виртуозом. Пациенты молились на его пальцы. Спасал безнадежных, брался за опухоли, от которых отказывался весь союз. А потом разработал свой слепой шов. Четыре трупа подряд на плановых резекциях. Разрывы дуги аорты. Скандал, комиссия Минздрава, показательное лишение всех регалий. Его втоптали в грязь за неделю.

— Поэтому он взял фамилию Асланов?

— Он сломался, — голос Тимура упал почти до шепота, вибрируя глухой яростью. — Превратился в тень. Стал прятаться, глушить боль таблетками. Сердце изнашивалось к со-

рока пяти годам. В ту ночь у него начался отек легких. Инфаркт миокарда задней стенки.

— Где был ты?

Тимур сжал кулак на полированной столешнице так, что затрещало дерево.

— Шлялся по ночному городу. Праздновал поступление на первый курс меда. Вернулся под утро пьяным подростком, уверенным в собственной исключительности. Он лежал на ковре в кабинете. Синий. Холодный. Рядом валялся пустой пузырек нитроглицерина. Я мог ввести допамин, мог начать компрессию грудной клетки, мог вызвать реанимационную бригаду на двадцать минут раньше. Я опоздал.

— Тебе было шестнадцать лет, Тим, — я наклонилась вперед через стол, заглядывая в его окаменевшее лицо. — Подросток не реанимирует кардиогенный шок на дому. Ты не мог спасти его в одиночку.

— Я обязан был быть дома, — отчеканил он жестко, словно вбивал гвозди в крышку гроба. — Врач отвечает за жизнь близких ежесекундно. Если ты проспал вызов — ты соучастник.

— Прекрати жрать себя заживо. Это детская вина, раздутая до вселенского масштаба.

— Ты много понимаешь в вине, девочка? — он горько усмехнулся. — Приехала из Питера учить меня жить?

— Я сбежала из Питера не от хорошей жизни, доктор Асланов.

— Дай угадаю. Жених бросил у алтаря? Слишком независимая для семейного уюта?

— Почти угадал, — я выпрямилась, глядя в окно на холодные огни Садового кольца. — Мы жили вместе пять лет. Миша работал сосудистым хирургом в Мариинской больнице. Прекрасная партия, одобренная всеми родственниками. За месяц до назначенной свадьбы я вернулась со сложного суточного дежурства по токсикологии на четыре часа раньше. Ключ в замке повернулся бесшумно. В нашей общей спальне, на постели с нашими монограммами, мой жених трахал мою лучшую подругу. Трахал усердно, со вкусом.

Тимур медленно перевел взгляд на мои руки, лежавшие на краю стола.

— И что ты сделала?

— Молча закрыла дверь снаружи. Сняла помолвочное кольцо, швырнула в мусоропровод у подъезда, забрала чемодан из прихожей и уехала на Московский вокзал первым утренним «Сапсаном». Больше я его не видела.

— Никаких истерик? Никаких разбитых тарелок?

— Гордость стоит дорого, шеф. Иногда она стоит целой жизни, перечеркнутой за одно мгновение. Я привыкла полагаться исключительно на себя. Мужчины предают при первой удобной возможности.

— Не все, — глухо отозвался он.

— Все, — отрезала я. — Одни предают слабостью, другие изменой, третьи собственным эгоизмом. Ты ничем не отли-

чаешься от остальных. Закрылся броней из резких слов, чтобы никто не увидел дыру в груди.

Тимур встал. Медленно обошел широкий стол. Каждый его шаг звучал отчетливо в мертвом пространстве комнаты. Он остановился рядом со мной, оперся бедром о край столешницы, нависая сверху. От него исходил терпкий запах хирургического мыла, крепкого эспresso и горячей мужской кожи.

— Думаешь, раскусила меня, Ветрова?

— Ты слишком предсказуем в своей агрессии, Асланов.

— Рискованная тактика. Провоцировать человека с ножом в руках.

— Скальпель остался в операционной, — я подняла голову, глядя снизу вверх в его глаза.

Расстояние между нашими лицами сократилось до нескольких сантиметров. Воздух вокруг задрожал, стал густым, тяжелым от электричества. Взгляд Тимура медленно скользнул по моим приоткрытым губам, задержался на пульсирующей жилке на шее. Его дыхание стало глубже, прерывистее.

Он протянул широкую ладонь. Пальцы — длинные, сильные, знающие анатомию каждого миллиметра человеческого тела — осторожно коснулись моей щеки. Кожа обожгла холодом операционного спирта и внезапным жаром. Он скользнул кончиками пальцев вниз, очертил линию челюсти, коснулся ключицы через вырез хирургического топа. По мо-

ему телу прошла острая, судорожная дрожь.

— Ты сумасшедшая, Марта, — хрипло выдохнул он, наклоняясь ближе. Его губы почти коснулись моей кожи возле самого уха. — Ненормальная питерская девчонка.

— Ты сам позвал меня за этот стол, — шепнула я в ответ, не двигаясь с места. Сердце колотилось в горле.

Он накрыл мою ладонь своей. Сильно сжал пальцы, переплетая их со своими. Костяшки побелели. В этом жесте было столько немой, отчаянной тоски по нормальной человеческой близости, что перехватило дыхание.

В темноте кабинета резко, надрывно взвыл мобильный телефон.

Звук прокатился по комнате, разрывая хрупкую паутину между нами. Тимур вздрогнул, мгновенно отдернул руку, словно обжегся о раскаленную сталь, и шагнул назад к столу. Окаменевшее лицо снова превратилось в маску.

На экране смартфона высветилось имя: «Булат Темирбаев».

Тимур провел пальцем по стеклу, включил громкую связь: — Булат? Я в отделении.

Голос Темирбаева из динамика звучал непривычно сухо, без обычной добродушной хрипотцы:

— Тим, бросай всё. У нас катастрофа.

— Что случилось? — нахмурился Асланов, мгновенно собираясь.

— Слава Кузнецов только что подал официальный судеб-

ный иск против клиники, — отчеканил Булат. В трубке шуршали бумаги. — Обвинение в фальсификации истории болезни, незаконном увольнении и нанесении профессионального ущерба. Он требует компенсацию в сорок миллионов рублей и арест счетов хирургического корпуса до первого заседания. Таких денег на балансе отделения нет. Нас закрывают через двое суток.

Связь оборвалась коротким гудком. Тимур медленно опустил телефон на стол. В кабинете повисла ледяная, оглушительная тишина.

ГЛАВА 5. «Искра»

— Сорок миллионов рублей, — повторил Тимур в мертвую пустоту кабинета.

Он опустил телефон на стол. Экран погас. В темноте блеснули белки его бешеных глаз.

— Тим, положи трубку, вдохни, — я сделала шаг вперед.

— Не учи меня дышать! — рывкнул он, сметая ладонью тяжелый металлический степлер. Тот с грохотом врезался в стену. — Пошла вон!

— У тебя судебный иск висит на шее, а ты орешь на персонал?

— Сказал, пошла вон отсюда! Ты слышишь русский язык? Выметайся, Ветрова! Занимайся своими капельницами и не лезь в дела руководства!

Я замерла. Внутри оборвалась тонкая натянутая струна. Вся нежность, вся хрупкая близость пятиминутной давности разбилась в пыль.

— Поняла, — спокойно ответила я. — Разгребай свое дерьмо сам.

Развернулась на пятках, толкнула дверь и зашагала по длинному коридору прочь.

Дождь хлестал по асфальту на углу возле клиники. В полуподвальном баре с тусклой неоновой вывеской пахло дешевым табаком, жареными гренками и сыростью. За стойкой

дремал бармен в замызганном фартуке.

Я взобралась на высокий кожаный табурет, швырнула мокрую сумку на стойку.

— Двойной бурбон со льдом.

Бармен молча плеснул янтарную жидкость в тяжелый толстый стакан. Лед загремел о стекло. Первый глоток обжег пищевод, разливаясь по телу горячей волной.

Второй глоток смыл остатки операционного напряжения.

В голове звенел его крик. Мужчины всегда орут, если почва уходит из-под ног. Миша орал, когда я застукала его со спущенными штанами. Отец орал на мать перед разводом. Теперь этот придурок со скальпелем пытается сожрать меня заживо, спасаясь от собственного страха.

— Наливай второй.

Бармен потянулся к бутылке, но тяжелая мужская рука перехватила его запястье на весу.

— Ей хватит. А мне минералку с газом.

Я медленно повернула голову.

Рядом стоял Тимур. Мокрое пальто распахнуто, темные волосы прилипли ко лбу от дождя. Тяжелое дыхание вздымало широкую грудь. В глазах плескалась глухая усталость.

— Ты следишь за мной, Асланов?

— Искал по округе сорок минут.

— Нашел? Молодец. Возьми с полки скальпель и вали обратно в свой кабинет.

— Марта.

— Отвали. Я не на дежурстве. Трудовой кодекс дает право послать заведующего к черту после окончания смены.

Он молча подвинул барный стул, сел вплотную. Его колено уперлось в мое бедро. Ткань брюк обожгла жаром.

— Прости, — глухо бросил он, глядя на запотевший стакан с минералкой.

Я хмыкнула, сделав глоток бурбона:

— Повтори в диктофон. Заведующий отделением торакальной хирургии умеет произносить нормальные человеческие слова?

— Хватит язвить, Ветрова. Я сорвался.

— Ты повел себя как скотина.

— Знаю.

— Ты испугался иска Славы.

— Испугался закрытия отделения, — поправил он жестко. Желваки на скулах заходили ходуном. — Слава нашел лазейку. Взял карты трех умерших пациентов годовой давности, нанял юристов из международной коллегии. Счета заморозят к утру понедельника. Операции встанут. Реанимация останется без снабжения через четыре дня.

— Булат поможет деньгами?

— У Булата семья. Две клиники в залоге под оборудование. Он полезет в долги ради меня, а я не имею права топить брата в своем болоте.

Я повертела стакан в пальцах, наблюдая за тающим кругляшом льда.

— Ты всегда тащишь планету в одиночку?

— Привык.

— Дурак твой отец, раз вбил тебе в башку этот бред.

Тимур резко повернулся ко мне. В темных глазах сверкнула вспышка ярости, но тут же погасла, сменившись безнадежной тоской.

— Не трогай его.

— Почему? Он бросил тебя разгребать руины своего тщеславия. Умер героем, оставив шестнадцатилетнего пацана с чувством вины размером с океан.

— Он не бросал меня, — прошептал Тимур, комкая край бумажной салфетки. — Это я бросил его.

— Ты сказал: был на празднике.

— Я соврал.

Я замерла, опустив бокал на деревянную стойку.

— В смысле соврал?

— Я был с Анной.

Слово повисло между нами тяжелым чугунным ядром. Музыка в баре стихла, за соседним столиком громко засмеялись пьяные посетители.

— С женщиной с фотографии? — тихо уточнила я.

Тимур прикрыл глаза ладонью, потер переносицу:

— С ней. Анна работала операционной сестрой у отца. Молодая, тихая, красивая. Она любила его годами. Отец сгорал от чувства долга перед матерью, прятал роман, разрывался пополам. В ту ночь мать устроила грандиозный скан-

дал дома. Отец хлопнул дверью, уехал в клинику. А Анна позвонила мне. Плакала в трубку. Говорила, отец собирается покончить с собой, просила приехать в ее съемную квартиру на Академической, вразумить его.

— И ты поехал?

— Я примчался к ней. Отца там не оказалось. Была только она — пьяная, в слезах, в шелковом халате. Она упала мне на грудь, умоляла остаться, твердила о любви к отцу, потом о схожести наших лиц. Я сидел с ней три часа. Успокаивал. Варил кофе. Держал за руку чужую любовницу, думая о своем благодестве.

— А отец?

— А отец лежал дома на паркете. Один. Мать уехала к подруге назло ему. У него начался обширный инфаркт. Если бы я вернулся домой вовремя, я нашел бы его живым. Я променял жизнь отца на пьяные сопли его любовницы.

В баре пахло сыростью. Тимур сидел, ссутулив широкие плечи, уставившись в деревянную стойку. Мужчина ростом под два метра, режущий человеческие сердца на открытом столе, казался сломанным подростком.

Я медленно протянула руку, коснулась его предплечья. Пальцы нащупали твердые мышцы под тонкой тканью рубашки.

— Ты спасал человека, Тим. Откуда подростку знать чужой диагноз?

— Я должен был почувствовать.

— Никто ничего не должен предчувствовать. Смерть случается. Люди умирают от инфарктов, сосуды рвутся, тромбы отрываются. Твоей вины там нет.

Он медленно повернул голову. Наше дыхание смешалось. Глаза Тимура блуждали по моему лицу, задерживаясь на скулах, приоткрытых губах, тонкой цепочке на шее. В воздухе снова возникло густое электричество. Взгляд хирурга обжигал почище крепкого алкоголя.

Он подался вперед. Широкая теплая ладонь легла мне на затылок, пальцы запутались в светлых прядях каре, слегка натягивая волосы у корней. Острая сладкая боль прошла тело.

— Ты сводишь меня с ума, Марта, — хрипло выдохнул он прямо в мои губы.

— Попробуй не сойти, — прошептала я, подаваясь навстречу.

Его губы коснулись моих. Жарко, властно, с голодной требовательностью зверя, сидевшего на цепи долгие годы. Я ответила на поцелуй, прикусив его нижнюю губу до металлического привкуса крови. Тимур глухо застонал в поцелуй, прижимая меня к себе за талию так сильно, что захрустели ребра. Мир бара исчез. Остался только вкус его рта, запах ментола, дождя и раскаленного желания.

Внезапно он замер.

Его пальцы на моем затылке разжались. Он резко отстранился, тяжело дыша. Грудь вздымалась под распахнутым

пальто.

— Я не могу, — глухо бросил он, отводя воспаленные глаза. — Не сейчас.

— Тим...

— Я уничтожу тебя, Марта. Я разорен. Отделение идет ко дну. Слава сожрет меня в суде. Рядом со мной останется выжженная земля.

Он резко поднялся с табурета, бросил на стойку пятитысячную купюру, перекрывая счет за выпивку.

— Поезжай домой на такси. Увидимся в понедельник на планерке.

Тимур развернулся, шагнул к выходу и толкнул тяжелую дверь. Колокольчик над входом звякнул, впуская порцию холодного ветра с улицы.

Я осталась сидеть одна. Сердце колотилось в горле, губы горели от жесткого поцелуя. Дыхание сбилось.

Опустив взгляд на соседний стул, я увидела темное плотное пальто Тимура. Забыл в спешке.

Я вздохнула, потянулась за одеждой, собираясь окликнуть его на улице. Подняла тяжелую ткань за воротник. Из глубокого внутреннего кармана на барный табурет выпал плотный серый конверт. Бумага пожелтела от времени, края затерлись.

На лицевой стороне старыми синими чернилами было выведено аккуратным женским почерком: «Тимуру. Прочти, когда будешь готов узнать правду об отце. Анна».

Я застыла. Пальцы задрожали.

Сзади скрипнула дверь бара, впуская очередную волну сырого ночного воздуха. Я медленно протянула руку к конверту, надрывая склеенный край бумаги.

ГЛАВА 6. «Огонь»

Бумага хрустнула под пальцами.

Желтоватый лист внутри хранил тонкий след старых цветочных духов. Чернила местами выцвели, но строчки читались четко:

«Тим. Если этот конверт у тебя в руках, отца больше нет на свете. Знай главное: мы любили друг друга. Руслан собирался уйти из семьи, честно подать на развод, открыть новую практику. Он метался, мучился виной перед тобой. Но его сердце остановила не наша связь. Оно отказало само. В ту ночь я звала тебя от бессилия, надеясь остановить его безумный побег в никуда. Ты ни в чем не виноват, мальчик мой. Сними с себя эту тяжесть. Живи. Анна».

Я сжала исписанный листок в кулаке. Сердце колотилось в горле. Все эти годы он добровольно нес на плечах чужую могильную плиту. Шестнадцать лет каторги за преступление, в котором не было его вины.

Выскочив из бара, я на ходу накинула чужое пальто. Такси приехало через четыре минуты.

Адрес Тимура высветился в служебной базе ординаторов. Сталинка на Котельнической, массивный подъезд, тусклый фонарь над козырьком. Домофон пискнул после третьего длинного гудка.

— Кто? — раздался хриплый, надтреснутый голос из ди-

намика.

— Открывай, Асланов. Нам надо поговорить.

Дверь щелкнула.

Лифт тащился на седьмой этаж целую вечность. Он стоял на пороге квартиры в расстегнутой темной рубашке, босиком, с мокрыми растрепанными волосами. В коридоре за его спиной царил полумрак, разбавленный янтарным светом торшера.

— Ты рехнулась? Ночь на дворе, — нахмурился он, преграждая путь широкими плечами.

Я шагнула вперед, заставив его отступить в прихожую. Скинула с плеч тяжелое пальто, швырнула на банкетку. Разжала пальцы, протягивая ему измятый серый лист.

— Ты оставил это в кармане.

Тимур опустил глаза на бумагу. Черты лица мгновенно застыли, превращаясь в серый гипсовый слепок.

— Ты вскрыла мой конверт? — голос прозвучал тихо, зловеще, предвещая взрыв.

— Вскрыла.

— Кто дал право лезть в мои вещи?! — рывкнул он, хватывая листок из моих пальцев. Желваки на скулах заходили ходуном. — Ты хоть понимаешь границы дозволенного, Ветрова?! Вон отсюда!

— Сам читай! Прямо сейчас читай, трус!

— Заткнись!

— Хватит прятаться за злостью! — я сделала шаг вплот-

ную к нему, толкнув ладонями в широкую твердую грудь. — Твой отец хотел развестись. Он сам выбрал этот путь. Сердце разорвалось само, понимаешь ты своей упрямой башкой или нет?! Ты шестнадцать лет казнишь себя за чужой инфаркт!

Тимур замер. Его взгляд упал на ровные строчки синих чернил. Глаза забегали по тексту, жадно, лихорадочно хватая слова. Его дыхание сбилось. Пальцы сжали хрупкую бумагу так сильно, что край надорвался.

Секунда. Другая.

Лист медленно выскользнул из его руки, упав на темный паркет. Лицо Тимура дрогнуло. Каменная броня, выстраиваемая годами, треснула прямо на моих глазах. В темных зрачках блеснула влага, смешанная с дикой, всепоглощающей растерянностью сломленного зверя.

— Он... собирался уйти? — сипло выдохнул он, глядя куда-то сквозь меня.

— Да, Тим.

— Я думал, я убил его своим отсутствием.

— Ты никого не убивал.

Тимур тяжело привалился спиной к стене прихожей, сползая вниз на несколько сантиметров, закрыл лицо ладонями. Широкие плечи мелко затряслись. Он не рыдал вслух — это был сухой, беззвучный спазм освобождения, ломавший ребра изнутри.

Я опустилась рядом, обхватив ладонями его запястья.

— Посмотри на меня. Слышишь? Посмотри.

Он отнял руки от лица. Взгляд был бешеным, потемневшим от нахлынувшей боли и внезапного, первобытного жара. Все предохранители сгорели к чертям.

— Марта, — хрипло простонал он, рванув меня на себя за талию.

Его рот накрыл мои губы с сокрушительной, голодной силой. В этом поцелуе не осталось осторожности. Он целовал жадно, требовательно, пробуя на вкус мой язык, вжимая меня в стену так, что перехватило дыхание. Пальцы Тимура впились в ткань моего трикотажного платья, задирая подол вверх по бедрам.

— Тим... — выдохнула я ему в шею, чувствуя горячую пульсацию сонной артерии.

— Молчи, — приказал он прямо в мои губы, подхватывая меня под ягодицы и поднимая на весу.

Я обвила ногами его узкие бедра, вцепившись пальцами в темные густые волосы на затылке. Он понес меня в спальню, не прерывая поцелуя, сбивая плечом полуоткрытую дверь.

Матрас прогнулся под нашим весом. Тимур навис надо мной сверху, тяжело дыша, сдирая с себя рубашку одним резким движением. Пуговицы со звоном посыпались на пол. В полумраке комнаты его торс казался высеченным из гранита: рельефные мышцы, темные дорожки волос, глубокий старый шрам возле ключицы.

Мое платье полетело на ковер следом.

Он замер на мгновение, скользя взглядом по обнаженной

коже, тяжело сглатывая слюну. В его глазах горел первобытный, ненасытный огонь.

— Красивая, — хрипло выдохнул он, опускаясь ниже. — Чертовски красивая.

Его губы обожгли ключицу, спустились к ложбинке между грудей, обвели сосок языком, заставляя его затвердеть до сладкой боли. Я выгнулась навстречу его ласкам, заставив от нахлынувшей волны тягучего жара вниз живота. Тимур сжал мою грудь широкой шершавой ладонью, разминая плоть уверенно, по-хозяйски, зная каждый нервный узел.

— Ты сводишь с ума, Ветрова, — рычал он в мою кожу, покрывая поцелуями ребра, плоский живот, спускаясь ладонью ниже, между бедер.

Пальцы хирурга скользнули во влажную глубину. Я судорожно втянула воздух сквозь зубы, пальцы ног поджались, ногти впились в его мускулистые плечи. Он двигался плавно, дразня, выводя круги по воспаленному клитору, заставляя меня плавиться под его руками. Внутри все сжалось в тугую, раскаленный узел нетерпения.

— Пожалуйста... Тим, сейчас...

— Смотри на меня, — приказал он низким, вибрирующим басом.

Он раздвинул мои колени шире, пристроился между бедер и вошел одним мощным, медленным толчком, заполняя до предела. Я громко вскрикнула, запрокинув голову на шелковую подушку. Ощущение наполненности было ошеломля-

ющим, почти болезненным от масштаба его желания.

Тимур замер на несколько секунд, давая привыкнуть, шумно втягивая носом воздух возле моего уха. Мышцы на его спине натянулись канатами.

— Марта... моя... — шептал он, начиная двигаться.

Толчки стали глубже, ритмичнее. Кровать мерно поскрипывала в такт нашим движениям. Воздух в комнате сгустился до состояния кипятка, пахло сексом, потом, мускусом и свежестью ночного дождя из приоткрытого окна. Каждый его выпад выбивал из меня стоны, переходящие в прерывистые всхлипы.

Он наклонился ниже, накрыв мой рот поцелуем, заглушая звуки, двигаясь быстрее, жестче, вбивая меня в матрас с яростной, отчаянной страстью. Напряжение внутри нарастало лавиной, кровь стучала в ушах набатом.

— Я близко... — всхлипнула я, сжимая бедра вокруг его поясницы.

— Давай со мной, — прохрипел он, ускоряя темп до предела.

Оргазм накрыл меня ослепительной белой вспышкой, выкручивая тело в судороге чистого восторга. Стенки влагалища сжались в пульсирующем спазме. Тимур зарычал мне в плечо, сделал еще три глубоких, яростных толчка и излился внутрь, содрогаясь всем массивным телом от мощной, сокрушительной разрядки.

Он рухнул на меня сверху, пряча мокрое лицо на моей

шее. Сердца колотились в унисон, сбиваясь с общего ритма, сливаясь в единый оглушительный пульс.

Тимур медленно скатился набок, притянув меня к себе спиной, укрыв тяжелым одеялом до подбородка. Его длинная рука легла мне на талию, прижимая вплотную к горячей груди.

Никаких лишних слов не требовалось. Тишина спальни казалась мягкой, безопасной. Мы лежали в темноте, слушая редкие удары капель дождя по карнизу. Усталость навалилась свинцовой волной, веки отяжелели. Я провалилась в глубокий сон без сновидений.

Холод разбудил меня на рассвете.

Я потянулась рукой вправо, нащупывая знакомое тепло, но простыня оказалась пустой и остывшей. Открыла глаза. В спальне стоял серый предутренний полумрак. Занавески слегка колыхались от сквозняка.

На соседней подушке белел квадратный лист бумаги из блокнота.

Я приподнялась на локте, поправляя сползшее одеяло, взяла записку. Быстрый, резкий почерк Тимура гласил:

«Прости. Я должен уйти. Это срочно».

Холодная игла тревоги кольнула под сердце. Срочно? В субботу в шесть утра? После всего, что произошло между нами на этом матрасе?

В коридоре раздалась громкая, дребезжащая вибрация.

Звук исходил из кармана его куртки, висевшей на вешалке

у входной двери. Телефон звонил настойчиво, без перерыва, заставляя металлический замок куртки звенеть о дерево.

Я накинула его расстегнутую рубашку, прикрывая наготу, босиком вышла в коридор. Нащупала трубку в кармане.

Экран светился входящим вызовом. Определитель номера показывал набор неизвестных городских цифр.

Палец сам скользнул по сенсору вправо.

— Слушаю, — осторожно произнесла я в динамик.

На том конце повисла секундная пауза. Затем раздался мягкий, зрелый, немного усталый женский голос:

— Тимур, мальчик мой, это я. Нам надо срочно поговорить о твоём отце. Это касается бумаг клиники. Это вопрос жизни и смерти.

Мое дыхание перехватило. Пальцы одеревенели.

— Кто это? — севшим голосом спросила я.

Женщина на том конце замолчала. Интонация ее голоса мгновенно изменилась, став настороженной и колкой:

— А ты кто такая? Где Тимур?

Я медленно опустила руку с трубкой вниз, сбросив вызов. Экран погас, погружая коридор в ледяную, пугающую тишину.

ГЛАВА 7. «Тени прошлого»

— Положи трубку, Марта.

Тимур стоял в дверном проеме прихожей. Мокрая куртка висела на его локте, темные пряди липли ко лбу, на скулах ходили тугие желваки. Он вернулся бесшумно, пока я сжимала пальцами чужой пластиковый корпус.

Я медленно опустила руку со смартфоном, сбросив соединение.

— Кто это звонил? — спросила прямо, глядя в его потемневшие зрачки.

— Пациенты, — соврал он сухо, забирая мобильный из моей ладони. Прикосновение его ледяных пальцев обожгло кожу. — Вызовы на дом по старым связям. Одевайся. Я вызову такси к подъезду.

— Мы переспали три часа назад, Асланов. Ты исчез на рассвете, оставив записку на подушке. Теперьставляешь вон?

— Нам обоим пора на работу, — отрезал он, отворачиваясь к вешалке. Тон стал привычно колючим, стеклянным, вымороженным до основания. — Утренний обход через два часа. Хирургический блок не ждет личных разборок.

Я молча натянула платье, застегнула молнию на сапогах, накинула пальто. Горло сдавило горькой волной досады. Он снова захлопнул створки своей брони.

В отделении пахло хлором, дезинфектантом и свежесваренным кофе из ординаторской.

Я зашла в предоперационную ровно в восемь утра. Волосы собраны в тугой пучок, бирюзовый костюм наглухо застегнут до ключиц. На лице — каменная маска дежурного анестезиолога.

Тимур вошел следом. Натянул бахилы, включил сенсорный кран над раковиной. Пенящееся мыло растеклось по его широким кистям.

— Марта Сергеевна, по третьему боксу назначьте повторную коагулограмму, — бросил он официальным, громким голосом на всю предоперационную.

— Назначила полчаса назад, доктор Асланов, — ответила я, даже не поворачивая головы от монитора настроек аппарата ИВЛ. — Анализы в электронной карте. Дозировки пропифола скорректированы.

— Прекрасно.

Он сделал шаг в мою сторону, понизив тон почти до шепота:

— Нам надо поговорить. После пятиминутки.

— У меня вводный наркоз на девять ноль-ноль, — я сухо застегнула манжету тонометра. — Затем консультация в кардиологии. Личное общение не входит в мой трудовой договор.

— Марта, прекрати эту комедию.

— Руки простерилизуйте, шеф. Время идет.

Я развернулась на резиновой подошве сабо и вышла в коридор, хлопнув сенсорной створкой.

Возле поста медсестер стоял Булат. В темно-синем хирургическом костюме, со стетоскопом на широкой шее, он листал бумажные выписки, устало потирая переносицу.

— Привет, Марта, — мягко улыбнулся Темирбаев, заметив меня. — Выглядишь бледной. Тим опять зверствует с утра пораньше?

— Тим ведет себя предсказуемо, — я подошла ближе, заглядывая в его открытое, добродушное лицо. — Булат, скажи мне правду.

Сосудистый хирург насторожился, медленно закрыл пастиковую папку с анализами.

— Смотря о чем речь.

— Ему звонила женщина. Сегодня в шесть утра на личный номер.

Булат резко отвел взгляд в сторону стеклянных дверей приемного покоя. Пальцы сжались на корешке папки.

— Мало ли кто звонит заведующему.

— Не увиливай. Она назвала его «мальчик мой». Сказала, разговор касается бумаг его отца и жизни отделения. Кто это, Булат?

— Марта, оставь эту тему, — его голос утратил мягкость, зазвучав глухо, предупреждающе. — Не суй пальцы в старый капкан. Тим едва держится на ногах. Суд Славы высосет из нас все соки, клиника на волоске. Если ты начнешь воро-

шить семейное кладбище Лапидевских, он просто сорвется в штопор.

— Он уже сорвался, — отчеканила я. — Он прячет страх за цинизмом. Скажи мне ее имя.

— Я не стану лезть в чужую могилу, — отрезал Булат, глядя мне прямо в глаза. — Это тайна его семьи. Хочешь правды — спроси у него самого. Но будь готова: тебе может не понравиться то, что услышишь.

Он развернулся и зашагал по коридору к реанимационным палатам.

Цокольный этаж клиники встретил меня сыростью и гулким холодом бетонных стен. Металлические двери архива были закрыты, но ключ дежурного администратора висел на общем щитке у поста охраны.

Я щелкнула тумблером на стене. Длинная люминесцентная лампа затрещала, озаряя ряды серых стеллажей с картонными коробками. На корешках чернели даты: девяностые годы, двухтысячные, закрытые истории болезней старого филиала.

Пальцы скользили по пыльным папкам.

«Отделение торакальной хирургии. Личный состав. 2008–2010 годы».

Я вытащила толстый скоросшиватель с нижней полки, положила на железный стол. Зажелтевшие страницы, приказы о зачислении, фотографии интернов на пропусках.

На шестнадцатой странице лежал тонкий полиэтилено-

вый файл.

Внутри лежала глянцевая черно-белая фотография. На снимке у операционного стола стояли двое. Высокий, статный мужчина с благородной сединой и хищным профилем — Руслан Лапидевский. Рядом с ним стояла женщина лет сорока в накрахмаленном чепце операционной сестры. Тонкие черты лица, светлые волнистые волосы, грустные, внимательные глаза.

Анна. Та самая Анна с фотокарточки в его кабинете.

Я перевернула картонный снимок. На оборотной стороне чернела короткая карандашная пометка тем же округлым почерком:

«14 сентября 2010 года. Последний совместный обход. Прости за все».

Четырнадцатое сентября. День, когда отец Тимура упал на паркет с разорванным сердцем.

Тяжелая железная дверь архива скрипнула за спиной.

Я вздрогнула, резко обернувшись.

В проеме стоял Тимур. Куртка сброшена, синий хирургический топ расстегнут у ворота, руки уперты в карманы брюк. Он смотрел на фотографию в моих пальцах без гнева — с немой, выжженной пустотой в глубине темных зрачков.

— Нашла, — произнес он негромко.

— Нашла, — эхом отозвалась я, опуская снимок на стол.

— Она была рядом с ним до последней минуты.

Тимур медленно шагнул вглубь помещения, остановился

у края железного стола, нависая надо мной. От него пахло кофе, спиртом и темным, тревожным жаром.

— Анна Васильева работала его старшей операционной сестрой пятнадцать лет, — его голос звучал ровно, мертво. — Она знала каждое движение его пальцев лучше собственной жизни. Отец любил ее. Любил тяжело, молча, разрывая душу между домом и клиникой. Она любила его в ответ. А я ненавидел ее всеми силами шестнадцатилетнего щенка.

— Почему?

— Считал ее воровкой. Разрушительницей семьи. Когда он умер, я выгнал ее из клиники вон, запретил появляться на похоронах, уничтожил ее трудовую книжку. Кричал, что она убила его своими звонками и слезами.

— А теперь?

— А теперь я знаю правду, — он тяжело опустил ладони на край железного стола, глядя на пожелтевшую фотографию. — Отец уходил сам. Он задыхался дома. Анна пыталась удержать его от падения, а я втоптал ее имя в грязь.

— Почему ты не сказал мне это утром? — тихо спросила я, заглядывая в его осунувшееся лицо. — Зачем сбежал? Зачем прятался?

Тимур медленно поднял глаза. В черных зрачках блеснула застарелая, глухая мука.

— Потому что я боялся твоего взгляда, Марта. Все вокруг всегда винят меня. Мать повторяет это каждый день шестнадцать лет подряд. Я привык быть виноватым для каждого,

кто подходит ближе вытянутой руки.

— Я не виню тебя, Тим.

Он сделал полшага вперед, коснулся моей щеки горячими, чуть дрожащими пальцами. Взгляд скользнул по моим губам, по ключицам, скрытым под тканью формы. Воздух в тесном сыром архиве сгустился, нагреваясь до предела.

— Ты опасна для меня, Ветрова, — хрипло прошептал он, склоняясь к самому уху. — Ты сдираешь с меня кожу заживо.

В этот момент глухой металлический звук разорвал тишину подвала.

Дверь архива резко распахнулась настежь, ударившись о бетонный откос стены.

На пороге стояла высокая женщина в элегантном бежевом кашемировом пальто с норковым воротником. Ухоженные седые волосы уложены в строгую прическу, на губах — темно-бордовая помада. Тонкие аристократические черты лица застыли в брезгливой, ледяной гримасе. В узких пальцах покачивалась дорогая кожаная сумка.

Ирина Асланова. Мать Тимура.

Ее холодный, колющий взгляд скользнул по фотографии на столе, по руке Тимура на моей щеке, по расстегнутому вороту его хирургического костюма. Губы женщины искривились в ядовитой, торжествующей усмешке.

— Какая трогательная идиллия в подвале, — раздался ее резкий, металлический голос, заставивший стены архива за-

звенеть. — Прячешься с очередной девицей там, где сгнила слава твоего отца, сынок?

Тимур мгновенно отдернул руку от моего лица, побелев до синевы.

ГЛАВА 8. «Анна»

— Ты пришла сюда рыться в чужой грязи, девочка? — голос Ирины резанул слух.

Она шагнула вглубь архива, стуча каблуками по бетонному полу. Дорогой кашемир, запах приторного парфюма и высокомерие во взгляде.

Тимур медленно опустил ладони вдоль бедер. Челюсти сжались.

— Выйди вон, мама.

— Забываешься? — брови женщины изогнулись. — Я приехала в клинику твоего отца не ради твоих дешевых интри

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.